

УДК 343.953
ББК 67.512

Т.П. Будякова
*кандидат психологических наук, доцент,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
г. Елец, Российская Федерация*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ОТЛОЖЕННОГО (ОТСРОЧЕННОГО) АФФЕКТА

В статье рассмотрены виктимологические характеристики отложенного (отсроченного) аффекта, выделены и проанализированы три его вида. Доказана необходимость законодательного закрепления в уголовном законе России признаков двух из трех видов отложенного (отсроченного) аффекта. Обращено внимание на проблемы назначения и производства судебно-психологической экспертизы аффекта. Исследовано четыре вида физиологического аффекта: классический; кумулятивный; аффект на фоне алкогольного опьянения; отсроченный (отложенный) аффект. Показаны особенности кумулятивного аффекта как следствия длительной психотравмирующей ситуации, обусловленной систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Раскрыт «аффект отсутствия», когда лицо, виновное в создании аффектогенной ситуации, недоступно для аффективной разрядки. Изучен «насиленно подавленный аффект», возникающий в результате сверхсильного страдания, обусловленного действиями истязателя, не позволяющего своей жертве выплеснуть аффективную реакцию противоправным способом в силу установления полного контроля над действиями жертвы. Обоснована необходимость дополнительных правовых мер виктимологической защиты жертв насильственных преступлений с целью превенции у них криминальных аффектов. Сделан вывод о необходимости регламентации в законе двух видов отсроченного аффекта – «насиленно подавленного аффекта» и «аффекта родом из детства» – в качестве обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния, совершенного в состоянии аффекта. Это усилит виктимологическую защищенность жертв насилия, которые по своим индивидуальным особенностям не могут противостоять посягательствам более сильного в физическом отношении преступника.

Ключевые слова: виктимология; предупреждение преступности; личность преступника; жертва; аффект.

T.P. Budjakova
*candidate of psychological sciences, Associated Professor,
Yelets State University by I.A. Bunin,
Yelets, Russian Federation*

VICITIMOLOGICAL REASONS FOR SUSPENDED EXTREME EMOTIONAL DISTURBANCE LEGALIZATION

Abstract

The article studies Vicitimological aspects of suspended extreme emotional disturbance, defines and analyses 3 types of it. The author proves it necessary to have 2 types of suspended extreme emotional disturbance provided by criminal law of the Russian Federation. The author studies problems of psychological expertise on extreme emotional disturbance in court commission on the emotion. Four types were analysed – physiological, classical, cumulative and suspended extreme emotional disturbance. The article describes aspects of cumulative extreme emotional disturbance as

consequence of long-term psycho-traumatic situation developed by systematic unlawful or immoral behavior of victim. The author discovers «absence extreme emotional disturbance» when person in charge for the situation is not available for affective ventilation. «Forcefully repressed affect» was also studied as the one developed as result of extreme suffer while unable to ventilate the affect illegally due to total control over the victim. The author proves it necessary to provide additional legal measures for victimological safety of victims in order to prevent their criminal affects. The author concludes that «forcefully repressed affect» and «childhood affect» are two types of suspended extreme emotional disturbance that should be legally provided as facts for passion crime classification. It will improve victimological safety of victims who can not resist offences by physically stronger offenders due to their individual characteristics.

Key words: victimology; crime prevention; personality of criminal; victim; extreme emotional disturbance.

В доктринальной литературе уже довольно давно высказываются мнения о необходимости реформирования концепции уголовно-правового аффекта. При этом, когда речь заходит об отложенном, или, как его еще называют, отсроченном, аффекте, говорят о бесперспективности и даже ненужности его легального закрепления в уголовном законе. Эта тенденция сложилась уже давно [8]. Полагаем, что теория отложенного (отсроченного) аффекта требует пересмотра и дальнейшего развития. Более того, она может послужить стимулированию правотворческих механизмов в части усиления виктимологической составляющей современного российского уголовного законодательства.

В психологической и правовой литературе в настоящее время описано четыре вида физиологического аффекта: а) классический; б) кумулятивный; в) аффект на фоне алкогольного опьянения; г) отсроченный (отложенный) аффект [7; 8]. Классический физиологический аффект признавался в качестве основания аффектированного преступления в российском уголовном законодательстве еще с XIX в. – даже раньше, чем патологический аффект [9]. Кумулятивный аффект как следствие длительной психотравмирующей ситуации, обусловленной систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, был закреплен в качестве основания уголовно-правового аффекта в действующей редакции УК РФ (1996 г.). Судебная практика пошла по пути непризнания аффекта на фоне алкогольного опьянения основанием для применения к виновному привилегированных составов, что соответствует духу российского уголовного законодательства, не предусматривающего алкогольное

опьянение как основание для смягчения уголовной ответственности и наказания.

Одной из проблем, затрудняющих легализацию отложенного (отсроченного) аффекта в уголовном законодательстве, является разброс в понимании сущности данного вида аффекта. С виктимологической точки зрения легализован должен быть лишь тот вариант отложенного аффекта, который был вызван отрицательным поведением потерпевшего, при условии, что обвиняемый в аффектированном преступлении был поставлен в такие же психологические рамки, как и обвиняемый в преступлении, совершенном в состоянии классического аффекта.

Можно выделить три варианта аффекта, подходящих по виктимологической композиции к отсроченному аффекту. Чтобы легче было сравнивать разные проявления отложенного аффекта, практичным будет обозначить каждый его вид отдельным названием, что мы и сделаем. Так, аффект, возникающий в момент физического отсутствия виновника аффекта, можно назвать «аффектом отсутствия». Кроме того, можно выделить как минимум еще два вида отложенного аффекта: «насиленно подавленный аффект» и «аффект родом из детства».

«Аффект отсутствия» возникает в момент, когда вторичная жертва преступления узнает о деянии виновного лица, например об убийстве им родных вторичной жертвы, но из-за отсутствия виновного в пределах досягаемости для вторичной жертвы во время получения информации о произошедшем аффект не может разрядиться. Далее мысли об аффективном событии вытесняются на периферию сознания, а образовавшаяся у вторичной жертвы психотравма функционирует

по законам аффективного личностного комплекса [10]. Механизм действия аффективного личностного комплекса таков: аффект возрождается в моменты напоминания об аффективном событии или встречи жертвы с виновным [11]. При встрече с преступником возможно совершение аффектированного преступления. «Аффект отсутствия» при таком подходе – это ситуация, когда аффективное состояние есть, но лицо, виновное в создании аффектогенной ситуации, недоступно для аффективной разрядки. Типичный пример – убийство Виталием Калоевым диспетчера Skyguide Петера Нильсена на пороге его дома в г. Клотен через полтора года после авиакатастрофы, в которой погибла семья В. Калоева. «Аффект отсутствия» зародился в момент поиска погибших после авиакатастрофы, в котором участвовал В. Калоев. Затем начался несанкционированный розыск вторичной жертвой виновника катастрофы, закончившийся его убийством.

Норма УК Швейцарии об ответственности за аффектированное убийство выглядит так: «Если лицо действует при наличии извиняющих обстоятельств, находясь в состоянии сильного душевного волнения или под воздействием серьезной психотравмирующей ситуации, то наказанием является каторжная тюрьма на срок до десяти лет или тюремное заключение на срок от одного года до пяти лет» (ст. 113 УК Швейцарии). Как видно из текста приведенной статьи, в принципе, ее формулировка учитывает состояние отсроченного аффекта, однако, по-видимому, швейцарская уголовная доктрина не рассматривает отсроченный аффект как значимый признак для смягчения уголовной ответственности. Как известно, и защита В. Калоева, которую представляли как швейцарские, так и российские защитники, выстраивала свои аргументы, опираясь на характеристики личности В. Калоева, в частности на его кавказский менталитет, а не на учет его психического состояния в момент совершения убийства.

Полагаем, что такого рода отсроченный аффект по виктимологическим основаниям не должен учитываться в качестве смягчающего обстоятельства при совершении аффектированных преступлений. Разрыв во времени между совершением преступления в отношении близких жертвы и встречей с виновным вторичная жертва может использовать по-

разному. В частности, она может и должна прийти к выводу о недопустимости совершения ею ответного преступления по мотиву мести. У нее есть достаточно времени для того, чтобы рационально найти некриминальный выход из сложившейся ситуации.

По нашему мнению, в первую очередь именно к ситуациям отсроченного аффекта относятся рекомендации известных психологов В.К. Вилюнаса и С.Л. Рубинштейна по профилактике аффектов. Так, В.К. Вилюнас полагал, что проявления, содержание и характер аффектов могут изменяться, в частности, под влиянием воспитания и самовоспитания. Аккумулированные аффекты могут изживаться с помощью психологических методов, в частности метода их «канализации» [1]. По С.Л. Рубинштейну, «вопрос должен ставиться не так: преодолевайте – неизвестно каким образом – уже овладевший вами аффект, и вы не допустите безответственного аффективного поступка как внешнего выражения внутри уже в законченном виде оформившегося аффекта; а скорей так: не давайте зародившемуся аффекту прорваться в сферу действия, и вы преодолеете свой аффект, снимете с нарождающегося в вас эмоционального состояния его аффективный характер» [6].

Одна из насущных проблем в теории уголовно-правового аффекта – как доказать, что человек мог, хоть и ограниченно, но все же управлять собой в состоянии аффекта? Особенно значимой эта проблема становится при решении вопроса о легализации в уголовном законе отложенного (отсроченного) аффекта. Одним из средств доказывания в таких случаях является судебно-психологическая экспертиза аффекта.

Вместе с тем производство судебно-психологической экспертизы аффекта предполагает психологическое исследование, суть которого – в выявлении в конкретном деянии признаков, характерных для физиологического аффекта. При этом экспертное исследование должно опираться на психологическую теорию аффекта. В свою очередь, психологическая теория аффекта должна основываться на экспериментальном научном изучении аффектов. Такого научного экспериментального исследования в психологии никто не проводил по понятным этическим ограничениям. В частности, никто не исследовал вопрос о том, может ли человек дей-

ствительно себя сдерживать в ситуации аффекта. Есть только рассуждения по этому поводу С.Л. Рубинштейна и В.К. Вилюнаса, на которые ссылаются эксперты-психологи. Но ни С.Л. Рубинштейн, ни В.К. Вилюнас никогда не проводили научного экспериментального изучения аффектов. Они только высказали свое мнение по этому вопросу в учебниках и монографиях. Характерно, что, например, и в одной из фундаментальных работ по судебной психологической экспертизе также вместо исследования данного вопроса просто делается ссылка на совокупное мнение юристов, психологов и психиатров [3]. Но мнение в научной психологии не может приниматься как доказанная истина, поскольку психология – это экспериментальная наука, она требует объективных доказательств любого мнения.

Вместе с тем психолог-эксперт В.А. Кудрявцев пишет о том, что во время физиологического аффекта отключается волевая регуляция (т.е. лицо не может управлять своими действиями) и функционирует только максимально редуцированная критичность [3]. По правилам Уголовного кодекса РФ вменяемое лицо должно не только осознавать деяние, но и управлять собой (ст. 21). При наличии только одного из двух этих условий нельзя говорить о вменяемости: оба обстоятельства должны быть установлены и доказаны в совокупности. Кроме того, по мнению С.Л. Рубинштейна, начавшийся аффект практически невозможно остановить, а возникает он по типу взрыва, т.е. неожиданно. О какой сознательной, хоть и ограниченной регуляции своих действий тогда можно говорить в таких случаях? Уместно, как было отмечено нами выше, говорить о регулятивной функции сознания только при «аффекте отсутствия».

Давая объяснение причин аффективного взрыва у одного из обвиняемых, самый известный советский психолог-эксперт М.М. Коченов справедливо отметил, что одной из главных причин аффекта стало «неумение канализировать аффект» [2]. И это не частное замечание по частному делу, а принципиальный подход к пониманию психологических механизмов предупреждения аффективного взрыва. Очевидно, что вопрос надо ставить не так: «Мог ли человек управлять собой в состоянии аффекта?», а иначе: «Был ли он готов к ситуации аффекта в принципе, научился ли

человек в своей жизнедеятельности канализировать энергию аффекта?» Ведь в реальной современной жизни люди не так уж редко испытывают состояние аффекта, только он не заканчивается убийством или причинением вреда здоровью, а ограничивается, как правило, словесным оскорблением или оскорблением некриминальным действием.

Человека, совершившего аффектированное преступление, по сути, можно обвинить только в том, что он как потенциальный преступник не научился сдерживать или канализировать проявления своих сверхсильных эмоций, хотя мог и должен был бы, поэтому и содержанием субъективной стороны аффектированного преступления является вина в неразработке стратегий собственного поведения в криминальных ситуациях. Однако в некоторых случаях можно даже ставить вопрос о наличии вменяемости вообще при совершении преступления в состоянии физиологического аффекта, в частности в ситуации двух других видов отложенного аффекта – «насиленно подавленного аффекта» и «аффекта родом из детства».

«Насиленно подавленный аффект» – это сверхсильное страдание, обусловленное, например, действиями истязателя, когда он не дает своей жертве выплеснуть аффективную реакцию противоправным способом, поскольку полностью контролирует все такого рода действия жертвы. Но при этом «насиленно подавленный аффект» оставляет в психике жертвы глубокий аффективный след. Так, при неслужебных отношениях в армии жертва часто не может ответить своим мучителям из-за того, что те сильнее, и вытесненный аффект становится источником психотравмы. В судебной практике зафиксирован случай, когда бывший военнослужащий срочной службы, подвергавшийся издевательствам со стороны сослуживца, встретив его случайно в парке, набросился на него и причинил тяжкий вред его здоровью [4]. Если применять обычные формальные критерии квалификации деяний, то указанное деяние не подпадает под аффектированное преступление, поскольку длительная психотравмирующая ситуация разрешилась в связи с демобилизацией, унижения закончились. Со стороны потерпевшего не было провоцирующих действий в виде аморального или противоправного поведения. Однако здесь не было и умысла на убийство

по мотиву мести. Виновный не предпринимал никаких специальных действий для мести, не искал встречи со своим мучителем. Случайная встреча стимулировала обострение посттравматического стрессового расстройства, сформировавшегося у виновного под воздействием унижений в армии. Как справедливо отмечал М.М. Коченов, «наличие конфликтной ситуации является обязательным, но недостаточным условием для возникновения аффекта. Другое условие – комплекс устойчивых индивидуально-психологических особенностей личности» [2, с. 52]. К индивидуально-психологическим особенностям, предрасполагающим к аффектам, следует отнести и наличие посттравматического стрессового расстройства у личности, особенно если аффект вызывается виновником образования психической травмы.

В описанном выше случае имел место именно «насиленно подавленный аффект», при этом виновный не планировал встречаться со своим мучителем, а эмоциональный взрыв был дополнительно «подпитан» невротическим расстройством, ставшим результатом пережитых надругательств. Само появление бывшего истязателя рядом с бывшей жертвой могло расцениваться ею как возобновление прежних отношений и ожидание провокаций. Непроизвольно на пресечение этого и был направлен аффективный взрыв. Практически волевой регуляции здесь могло и не быть. По виктимологическим принципам не жертва истязания, а сам истязатель должен был бы предпринимать шаги для избегания встречи со своей жертвой, чтобы не наступать на «мину замедленного действия», каковой является «насиленно подавленный аффект».

В связи с вышеизложенным очевидно, что усиление виктимологической составляющей уголовного закона требует расширения перечня обстоятельств, учитываемых при квалификации аффектированных преступлений, например включения дополнительного квалифицирующего признака «насиленно подавленный аффект», обремененного условием, что актуализация этого вида аффекта произошла по вине потерпевшего.

«Аффект родом из детства» – это эмоциональный взрыв, обусловленный осознанием тяжести преступления или тяжести его последствий повзрослевшей жертвой. Жертва при этом сама не могла готовить себя к

моменту осознания тяжести произошедшего, поскольку не обладала для этого в силу возраста психологическим ресурсом. Речь, в частности, идет о малолетних жертвах изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Приведем пример из судебной практики. В Перми был осужден за убийство 21-летний молодой человек, жертвой которого стал мужчина, совершивший в отношении обвиняемого насильственные действия сексуального характера, когда тому было 8 лет. Циничная ухмылка выпущенного на свободу после отбытия наказания насильника стала поводом для нанесения ему бывшей жертвой тяжких телесных повреждений, от которых он скончался. Жертва сексуального насилия не собиралась мстить. Она приняла все, чтобы не встречаться с насильником, вначале уехала в другой населенный пункт, но вынуждена была вернуться по объективной причине – болезни матери. Обстоятельства сложились так, что после отбытия наказания насильник поселился в соседнем с его жертвой подъезде и стал, таким образом, аффектогенным стимулом для бывшей жертвы. На просьбы уехать из населенного пункта, чтобы не встречаться с бывшей жертвой и не отравлять ей жизнь, погибший отвечал отказом. Суд не квалифицировал убийство как совершенное в состоянии аффекта, хотя аффективный комплекс, сформировавшийся с детства, связанный с сексуальным насилием, стал энергетической основой для реакции, которую можно считать отложенным аффектом. В судебной практике США в таких случаях применяется особый вид наказания для преступника: не приближаться к жертве на определенное расстояние. В нем заложен очевидный виктимологический смысл: это не только способствует защите жертвы, но и предупреждает у нее криминальные аффективные взрывы. Американский суд, таким образом, не перекладывает на жертву обязанность вести себя корректно, если в поле ее зрения появляется преступник, причинивший ей страдание.

Уголовно-правовой аффект в общем случае характеризуется тем, что виктимологическая угроза в первую очередь направлена против преступника-жертвы (по классификации Д.В. Ривмана), т.е. жертвой может стать преступник, совершивший преступление в отношении того лица, которое теперь

отвечает ему также преступлением [5]. При отсроченном аффекте эта угроза возникает не неожиданно, как в случае классического физиологического аффекта. Поскольку аффект просто отложен, основания для него уже сформированы. Потенциальная жертва отложенного аффекта уже знает (не может не знать), что есть его собственная реальная жертва (назовем ее исходной жертвой), которая его ненавидит и воспринимает с повышенной агрессивностью. Именно преступник-жертва в такой ситуации ответственен за обеспечение собственной безопасности. У него есть выбор виктимологических средств защиты: от примирения с человеком, который по его вине стал жертвой, до принятия группы мер в целях избегания встречи с исходной жертвой. Особенностью отложенного аффекта является также то, что предупреждение аффектированного преступления со стороны преступника-жертвы поможет и исходной жертве избежать совершения аффектированного преступления. Если преступник-жертва таких мер не предпринимает, а со стороны исходной жертвы приняты меры, как в приведенных нами случаях из судебной практики, то исходная жертва в случае совершения преступления в логике «насиленно подавленного аффекта» или «аффекта родом из детства» должна отвечать по правилам, предусмотренным для привилегированных составов, или не отвечать вообще, так как регуляция в таких случаях практически невозможна.

При квалификации уголовно-правовых аффектов важным признаком является промежуток времени между поводом к преступлению и аффективным взрывом. Очевидно, что чем больше времени проходит с момента возникновения повода для аффективного взрыва до момента совершения преступления, тем больше возможность регулятивного

воздействия на поведение. Кроме того, сам процесс убийства или причинения тяжкого или среднего вреда здоровью требует иногда определенного времени, в течение которого человек может осознать общественную опасность своего поведения и восстановить волевую регуляцию своих действий. Поэтому при экспертизе физиологического аффекта важно выявить и период, в течение которого осуществлялось преступное деяние. Если смерть потерпевшего или последствия в виде тяжкого или средней тяжести вреда наступили сразу же после аффективного взрыва, то, вероятно, нельзя утверждать о возможности волевой регуляции поведения причинителем смерти. Только при двух временных условиях – наличие промежутка времени между поводом для аффективной реакции и преступлением и неодномоментность смерти или причиняющих вред здоровью воздействий на потерпевшего – можно предварительно говорить о наличии физиологического аффекта. А далее уже можно обсуждать вопросы о том, насколько коротким должно быть это время, как это делается в правовой литературе [4].

Таким образом, два вида отсроченного аффекта – «насиленно подавленный аффект» и «аффект родом из детства» – должны быть учтены законодателем в качестве обстоятельств, влияющих на квалификацию деяния, совершенного в состоянии аффекта. Это усилит виктимологическую защищенность жертв насилия, которые по своим индивидуальным особенностям вначале не могут противостоять посягательствам более сильного в физическом отношении преступника, а когда силовое соотношение меняется, объективно не могут совладать с собой, и аффект самопроизвольно актуализируется при виде аффектора, особенно если его поведение воспринимается как провоцирующее.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вилюнас В.К. Аффект / В.К. Вилюнас // Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М., 2002.
2. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза / М.М. Коченов. – М., 1977.
3. Кудрявцев И.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза / И.А. Кудрявцев. – М., 1999.
4. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – СПб., 2001.
5. Ривман Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. – СПб., 2002.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2002.
7. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф.С. Сафуанов. – М., 1998.
8. Сидоров Б.В. Аффект, его уголовно-правовое и криминалистическое значение / Б.В. Сидоров. – Казань, 1978.
9. Уголовное уложение. Объяснения к проекту редакционной комиссии. – СПб., 1895. – Т. 6.

10. Юнг К.Г. Лекции по аналитической психологии / К.Г. Юнг. – М., 1995.
11. Posttraumatic stress disorder // Journal of school psychology. – 1996. – Vol. 34. – № 2.

REFERENCES

1. Viljunas V.K. Temporary insanity. Big psychological dictionary. [Viljunas V.K. Affekt / V.K. Viljunas // Meshherjakov B.G., Zinchenko V.P. Bol'shoj psihologicheskij slovar']. Moscow, 2002.
2. Kochenov M.M. Psychological expertise in court. [Kochenov M.M. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza]. Moscow, 1977.
3. Kudrjavcev I.A. Complex psychological expertise in court. [Kudrjavcev I.A. Kompleksnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza]. Moscow, 1999.
4. Popov A.N. Attenuated crimes against person. [Popov A.N. Prestuplenija protiv lichnosti pri smjagchajushhih obstoitel'stvah]. Saint-Petersburg, 2001.
5. Rivman D.V. Criminal victimology. [Rivman D.V. Kriminal'naja viktimologija]. Saint-Petersburg, 2002.
6. Rubinshtejn S.L. Fundamentals of general psychology. [Rubinshtejn S.L. Osnovy obshej psihologii]. Saint-Petersburg, 2002.
7. Safuanov F.S. Psychological expertise in court in criminal process. [Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugolovnom processe]. Moscow, 1998.
8. Sidorov B.V. Temporary insanity and its criminal and legal and criminalistic role. [Sidorov B.V. Affekt, ego ugolovno-pravovoe i kriminalisticheskoe znachenie]. Kazan', 1978.
9. Criminal Code. Explanation to editorial committee draf. [Ugolovnoe ulozhenie. Objasnenija k projektu redakcionnoj komissii]. Saint-Petersburg, 1895, T. 6.
10. Jung C.G. Lectures on analytical psychology. [Jung K.G. Lekcii po analiticheskoj psihologii]. Moscow, 1995.
11. Posttraumatic stress disorder. Journal of school psychology, 1996, Vol. 34, no. 2.

Сведения об авторе

Будякова Татьяна Петровна – заведующий кафедрой психологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, кандидат психологических наук, доцент, г. Елец, Российская Федерация; e-mail: budyakovaelez@mail.ru.

Information about author

Budjakova Tat'jana Petrovna – Head of Chair of Psychology of Yelets State University by I.A. Bunin, Candidate of psychological sciences, Associated Professor, Yelets, Russian Federation; e-mail: budyakovaelez@mail.ru.